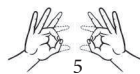

도감

В тот самый час, когда, погрузив в машину свой незамысловатый скарб, Кан Инхо покидал Сеул, город Муджин погружался в туман. Мгла пришла из моря, словно огромное белое чудовище. Лапы его, покрытые мириадами влажных ворсинок, размашисто шагали по суше. И все вокруг превращалось в нечто неразличимое, неосязаемое, отдавалось во власть водяного пара, как смирившиеся со своим поражением солдаты. Высящееся на прибрежной скале четырехэтажное каменное здание интерната «Чаэ» тоже начало погружаться в туман. И когда желтый мерцающий свет, пробивающийся из столовой на первом этаже, стал бледнеть, приобретая майонезный оттенок, издали слышались удары колокола.

Было воскресенье. Поэтому, скорей всего, звонил церковный колокол, оповещая о начале утреннего богослужения. Звук разнесся по всей округе. Ведь единственное, что может преодолеть туман, — это звук.

— 2 —

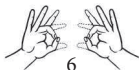
Мальчик шел по железнодорожным путям. Туман еще не поглотил всю сушу полностью, однако, раскидывая свою тончайшую сеть, постепенно, один за другим стирал очертания предметов. Заросли раньше срока распустившихся космеей по обочинам железнодорожной насыпи, увязнув в паутине тумана, казалось, дрожали от страха.

Мальчишке было десять лет. Но по сравнению со сверстниками он был до крайности малорослым и щуплым. Его светло-голубая полосатая футболка насквозь пропиталась туманной влагой.

Мальчик шел по рельсам. Казалось, с ним что-то не так: он прихрамывал, подволакивая ногу. Однако вскоре наползающий с моря туман окутал его силуэт, сделав почти невидимым. А затем и окончательно поглотил. Рельсы под ступнями мальчика начали равномерно подрагивать. И он ощутил это.

— 3 —

Воскресное богослужение церкви Великой Славы, расположенной в самом центре Муджина, началось в десять утра. Церковный двор уже полностью погрузился в туман. Со стоянки то и дело раздавался скрежет — то сталкивались машины припозднившихся прихожан. Свет фар был бессилён: плотное белое одеяло накрыло всё и вся. Хор голосов под сводами церкви читал Священное Писание: никогда Тьма не одержит

Суровое испытание

победу над Светом, — а туман продолжал всасывать в себя трепещущие огни. Охранник на стоянке невзначай уронил на землю ключи и теперь, согнувшись в три погибели, безуспешно пытался их найти. Наконец, с трудом нащупав связку в непроглядной пелене, он недовольно пробормотал:

— Проклятый туман... черт ногу сломит.

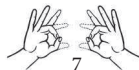
Звуки хора в сопровождении органа заглушили его ворчание.

— 4 —

Рельсы задрезжали. Мальчонка обернулся. Поезд, мчавшийся по пологой дуге, приближался на полном ходу. Парнишка широко раскинул руки ему навстречу. На его лице мелькнула то ли слабая улыбка, то ли слабая гримаса... А через секунду раздался вопль. Не поддающийся описанию дикий крик, в котором нельзя было разобрать отдельных звуков. Поезд загудел. И тело мальчишки взлетело в воздух, невесомое, как попкорн, и влажная земля окрасилась алым. Но туман все скрыл. Поезд унесся, и вокруг установилось глубокое затишье, будто глубоко под водой. Веки мальчика в последний раз дрогнули и замерли, зрачки слепо уставились в молочно-белую мглу.

— 5 —

Когда Кан Инхо остановился отдохнуть, зазвонил сотовый. Это была жена. Не прошло и часа, как он выехал из дома. И хотя именно она решила, что останется с дочкой

Конец Джиён

в Сеуле, а в Муджин он отправится один, в ее голосе чувствовалось сожаление.

— За рулем?

— Нет. Остановился передохнуть.

Непохоже, что она звонила по делу. Видимо, только после того, как он погрузил свою нехитрую поклажу в машину и уехал, она осознала, что его долго не будет рядом. Внезапно нахлынули жалость к жене и досада на обстоятельства, что ему пришлось вот так оставить семью.

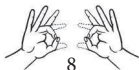
— Куришь, поди? Теперь вдали от меня и пилить будет некому...

— Да ладно тебе, не накручивай. Глядишь, следующей весной переберетесь ко мне в Муджин. Устроим Сэми в местный садик.

В трубке послышался смех:

— Да-да, только для начала пусть тебя назначат штатным преподавателем.

Пока в Муджине ему предложили временную ставку. Да и об этом, не будь у жены связей, не стоило и мечтать. Случай свел ее с однокашницей по женской высшей школе, у которой в родне как нельзя кстати оказался кто-то из управляющих интернатом «Чаэ», и жена, умеющая хорошо ладить с людьми, видимо, попросила подругу хлопотать за мужа. После окончания университета Кан Инхо какое-то время преподавал, однако вскоре вместе с приятелем занялся небольшим одежным бизнесом. И если бы не прошлогодний экономический кризис, накрывший весь мир, кто знает, возможно, этим воскресеньем он летел бы самолетом на их фабрику в Китае. Вспомнила про его преподавательский опыт опять-таки

жена. К тому времени он уже шесть месяцев сидел без работы, и любым способом нужно было выкарабкаться и искать хоть какие-то средства к существованию. Слава богу, перед окончательным крахом бизнеса они успели закрыть фабрику. Чудом было и то, что их квартира в пригороде Сеула не пошла с молотка. Однако срочные вклады с внушительными сбережениями уже давно пришлось закрыть, а также расторгнуть страховки.

Когда жена после встречи с одноклассницей впервые заговорила об этом, он на время потерял дар речи.

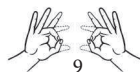
— Преподаватель? Преподаватель в спецшколе, говоришь? Еще и глухонемых детей! После университета у меня на руках корочка обычного преподавателя. Сто лет уже прошло; как я смогу кого-то учить?

Жена, глядя на него, расхохоталась:

— Все-таки у тебя напрочь отсутствует гибкость...

Остаток фразы — мол, именно потому и погорел его бизнес — она пробормотала невнятно, будто бы про себя. Но вспомнив, в каком подавленном состоянии в последнее время пребывает ее муж, она добавила уже гораздо мягче:

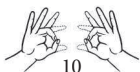
— Это же частная школа. Подруга сказала, если есть протекция со стороны генерального директора, проблем не будет. Мол, все таким образом сначала устраиваются, а потом на вечерних курсах при магистратуре повышают квалификацию. Она меня уверила, что все будет нормально. И зарплата хорошая, и график работы не сказать чтоб напряженный — ну где еще такое райское местечко отыщешь? Но ты все-таки в любом случае постарайся получить постоянное место преподавателя. А там, глядишь, может, появится шанс перевестись в Сеул, — с улыбкой на губах подытожила жена.

Машина Кан Инхо снова устремилась на юг. Сам-то он родился в Сеуле, и ему пока не представилось случая пересечь центральную часть полуострова. Поэтому он совершенно не представлял, как живут люди в тех краях. Знал лишь, что говорят они на характерном, несколько резко-ватом диалекте и добавляют в пищу много приправ — вот и все, поэтому юг страны он воспринимал как далекий географический объект. Однако с Муджином дело обстояло немного по-другому. Он вспомнил рассказ Ким Сынока «Путешествие в Муджин», и это пробудило нежеланные тени прошлого, о которых хотелось забыть. С тех пор как жена заговорила о городе под названием Муджин, воспоминания всплывали одно за другим, становясь все четче, — так корабль, приближаясь к гавани, постепенно вырисовывается в тумане.

— Знаете... Когда вы только стали нашим учителем и познакомили нас с рассказом «Путешествие в Муджин», я сразу поняла, что когда-то непременно настанет этот день, — проговорила Мёнхи, внезапно нагрянув к нему в часть и настояв на ночевке. Затем, под одеялом, она порывисто притянула его к себе, пока он мялся, не зная, как поступить. Приблизив свое лицо к его лицу, она спросила: — Та женщина, Ха Инсук. Как вы думаете, что с ней стало, когда главный герой уехал, не сдержав обещание, и она осталась в Муджине одна?

От тела Мёнхи веяло едва уловимым ароматом персика. Она была его ученицей в женской школе, где он какое-то время преподавал после окончания университета, так

как повестка в армию запоздала. И вот Мёнхи появилась перед воротами его части. Неумелый макияж явно говорил, что она хочет казаться старше своих лет.

— Не бойтесь, у меня это... не в первый раз.

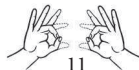
Не она, а он трясся как осиновый лист. Мёнхи же, положив его замершие в нерешительности руки на свою обнаженную грудь, кажется, звонко рассмеялась. В ее смехе ощущалась некая развязность бывалого подростка, который многое повидал в этой жизни и уже успел распротиться с идеалами юности, но его, Кан Инхо, это в принципе не касалось. Поэтому, отправив ее домой, среди бела дня он надрался до чертиков в автобусном терминале и вернулся в часть, что находилась неподалеку. Так он смог избавиться от угрызений совести, что назойливыми мошками донимали его. Не будь этих встреч с Мёнхи, нечастых, но доводящих до иступления, он, возможно, наставил бы на кого-нибудь дуло. И кто знает, не стал бы этим кем-то он сам.

Когда пришло время демобилизоваться, связь с Мёнхи прервалась. А вернувшись в Сеул, он узнал, что несколько месяцев назад она покончила жизнь самоубийством. Тогда у него в голове промелькнули ее слова:

— Та женщина, Ха Инсук. Как вы думаете, что с ней стало, когда главный герой уехал, не сдержав обещание, и она осталась в Муджине одна?

— 7 —

Вот и развилка с указателем «Муджин». Кан Инхо свернул — город ожидал его там, за перевалом. Однако с вершины ему открылось лишь необъятное море

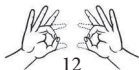

облаков, сбившихся в один огромный белесый ком, окутавший Муджин. Туман шевелился, будто белоснежные морские водоросли. Кан Инхо въехал в облако, словно в туннель с призрачными белыми стенами. Машину опутали тончайшие седые нити, похожие на космы ведьмы. Отчего-то ему вспомнилось, как давным-давно на летней рыбалке он чуть не утонул. Это ощущение чего-то склизкого и вязкого от опутавших его голые ноги водорослей, когда он занырнул в водохранилище, чтобы вытащить упавшую в воду удочку. Он перестал барахтаться, пытаясь выплыть сам, и кликнул на помощь приятеля, что рыбачил вместе с ним. Казалось, путы из водорослей высосали из него все соки. Силы разом оставили его. И хотя он неплохо плавал, тут все было бесполезно. Ему стало не по себе от этих воспоминаний, навеянных туманом. Даже шея внезапно задеревенела от необъяснимого зловещего предчувствия, что любая неосторожность может привести к гибели. От напряжения пересохло во рту, он врубил аварийные фары экстренного торможения. Раздалось равномерное тиканье стоп-сигналов. Навигатор отдал распоряжение: «Зона густого тумана. Через километр поверните направо!»

Он послушно свернул.

Интернат «Чаэ» был окутан туманом. Проехав через главные ворота и намереваясь припарковаться, Кан Инхо увидел, что синяя иномарка, явно стоившая бешеных денег, собирается тронуться с места. Он хотел опустить стекло и заговорить, однако водитель синего авто, не

обращая на туман абсолютно никакого внимания, вдавил педаль газа и на всей скорости скрылся за белой завесой. Единственное, что удалось рассмотреть сквозь стекло, так это облысевший затылок. Осторожно, почти на ощупь Кан Инхо припарковался на стоянке, окутанной туманом. Иногда с побережья налетал бриз, туман чуть-чуть редел, и смутно вырисовывались контуры огромного каменного здания интерната, однако почти сразу оно вновь исчезало в белой пелене.

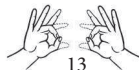
Он вышел из машины. Затекшие плечи ломило, и виной тому была не четырехчасовая дорога до Муджина, а последние двадцать минут в городе, что заставили напрячь все его внимание. Он поднял правую руку и сделал несколько махов, после чего закурил. В это время неподалеку послышалось какое-то похрустывание, постепенно оно становилось ближе. Вскоре показалась фигурка маленькой девчущки. Коротко остриженная, невысокая и щуплая, с огромным пакетом в руках, она приближалась к нему из тумана, хрустя чипсами.

— Эй! Послу... — обратился он к ней.

Но девочка была поглощена чипсами. Его вдруг осенило, что ведь это интернат для глухонемых детей. Ему стало смешно и неловко оттого, что он пытался заговорить. Но пока все это проносилось в его голове, девочка, видимо, наконец обнаружила его присутствие. Хруст чипсов постепенно смолк. Несколько неуклюже, на языке жестов, который начал осваивать перед поездкой, он попробовал поздороваться с ней:

— Привет, рад тебя видеть!

Он не успел опустить руки, как в глазах ребенка отразился неопишуемый ужас, а изо рта вырвался

нечленораздельный вопль, после чего девочка развернулась и бросилась прочь.

Он оцепенел и мог лишь провожать удаляющуюся фигуру взглядом. Вскоре туман поглотил ребенка, не оставив и следа. И только в ушах продолжал звучать жуткий, непередаваемый крик.

— 9 —

— ...Похоже, из-за тумана.

Инспектор Чан выслушивал донесение патрульного Кима, когда его сотовый завибрировал: пришло сообщение. Инспектор, вполуха слушая доклад, покосился на телефон и пробежал глазами сообщение: «Милый! Как ты мог? Я же говорила, что надо поскорее!»

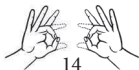
Инспектор Чан, сам того не замечая, расплылся в улыбке, вспомнив белые бедра Мисук из кафе «Дикий цветок», — его пальцы до сих пор хранили ощущения от прикосновения к ним.

— Он же глухой, вот и не услышал гудок и, по всей видимости, не заметил приближение поезда.

— Это да... Туман и вправду стоял жуткий... — Поддакивая Киму, Чан усиленно стучал по кнопкам телефона: «Ну потерпи несколько дней. Хотя, что говорить, горячность тебе к лицу... Хочешь, сегодня после работы угощу тебя саннакджи?»¹

Когда он наконец нажал кнопку «Отправить сообщение», у патрульного Кима на губах промелькнула усмешка. Инспектор Чан неторопливо вернул сотовый на стол

¹ Блюдо из сырого осьминога. — Прим. пер.

и, зная, что Ким смотрит на него, несколько наигранно, с задумчивым видом обхватил голову руками.

— Ничего подозрительного не нашли?

— Несчастный случай же, что там может быть...

Правда, в кармане брюк мальчонки обнаружили вот это...

Патрульный Ким выложил на стол перед Чаном запечатанный полиэтиленовый пакет, а внутри, судя по всему, — вырванный из маленького блокнота листок, испачканный в крови.

— Там записаны имена — Ли Гансок и Пак Бохён. А поверх все перечеркнуто крестами.

Внезапно уголки глаз инспектора Чана, погруженно в воспоминания о Мисук из «Дикого цветка», дрогнули. Все-таки он был ветераном в своем деле. И его опыт расследований, опирающийся уже по большей части на инстинкты, позволил уловить в словах Кима какой-то запашок. Чан внимательно взгляделся в окровавленную записку, упакованную в пакет. Ли Гансок — это директор интерната «Чаэ». А Пак Бохён, если ему не изменяет память, являлся куратором по внешкольному образованию в общежитии того же заведения. Однажды он видел его на каком-то междусобойчике. Они приехали вместе с Ли Гансоком, и этот человек со скользким взглядом и мрачным лицом, несмотря на открытое пренебрежение со стороны Ли Гансока, беспрестанно кланялся и угодничал, так что Чан тогда еще подумал, до чего мерзкий тип. Именно поэтому он врезался ему в память. Да, точно, его звали Пак Бохён!

— Хорошо, можешь идти. Я сам свяжусь с интернатом.

